

За большевистскую бдительность в краеведении

«Особенности нынешнего этапа борьбы за партию, за ленинизм заключаются в том, что троцкизм разбит, правый уклон разоблачён, а генеральная линия партии победила по всей линии», — сказал т. Каганович на собрании, посвящённом 10-летию Института красной профессуры.

с. 7

Но значит ли это, что борьба с троцкизмом и иными извращениями марксистско-ленинской теории закончена? Значит ли это, что троцкисты сложили оружие? Нет! этого вывода мы делать не должны. Письмо т. Сталина «О некоторых вопросах большевизма» разоблечило троцкистскую контрабанду, протащенную на теоретическом фронте вследствие гнилого либерализма, имеющегося среди отдельных товарищей в нашей партии.

В условиях обострённой классовой борьбы максимально должна быть увеличена пролетарская настороженность и исключительно развита революционная бдительность ко всему тому, что угрожает кровным интересам большевизма, ко всем тем, кто пытается ревизовать нашу марксистско-ленинскую теорию. Но этими положениями далеко не ограничивается всё содержание письма т. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция».

Обрушиваясь со всей большевистской непримиримостью на фальсификаторов истории партии большевиков, крепко ударяя по контрабандистам троцкизма, квалифицируя гнилой либерализм как «головотяпство, граничащее с преступлением, с изменой рабочему классу», письмо т. Сталина вместе с тем мобилизует всю партийную мысль, всю пролетарскую общественность на беспощадную борьбу с проникновением вредных, чуждых и враждебных нашей партии идей и взглядов. Это письмо обязывает всех нас глубоко изучить историю большевистской партии и твёрдо усвоить теорию марксизма-ленинизма.

Весьма важно изучить всю историю той непримиримой борьбы, которую вели лучшие представители нашей партии во главе с В. И. Лениным на протяжении многих десятков лет. Эту историю борьбы с народниками, легальными марксистами, экономистами, меньшевиками, троцкистами, люксембургянством, центризмом, борьбу против правых и примиренческих элементов в партии обязан знать и изучить весь рабочий класс.

Остаткам разгромленного контрреволюционного троцкизма, пытающимся контрабандным путём занести своим взгляды, враждебные ленинской партии большевиков и всему рабочему классу, должен быть дан решительный и беспощадный отпор. А эта борьба может быть успешна тогда, когда каждый партиец будет «уметь обобщать практику, поднимать практику до уровня теории и теорию уснащать, обогащать практикой жизни» (Каганович).

Умение сочетать революционную теорию с революционной практикой даёт возможность своевременно разоблачать оппортунистические и контрреволюционные вылазки. А такие антипартийные вылазки на теоретическом фронте мы имеем не только в литературе по истории партии и революционного движения, но и в литературе по другим вопросам. Стоит только вспомнить кондратьевщину, громанщину, переверзевщину, воронщину и так далее. В краеведческой литературе эсеровско-контрреволюционные взгляды группы Кондратьева-Громана-Чаянова нашли выражение как в «исторических» работах профессора Пожидаева, так и в работах Феноменова по сельскому хозяйству.

Отживающие и идущие ко дну капиталистические классы оказывают бешеное сопротивление наступающему по всему фронту социализму. Классовая борьба продолжается. А раз так, то

с. 8

не может быть и речи о прекращении борьбы с оппортунизмом, с оппортунистическими и контрреволюционными элементами, которые являются «отражением сопротивления отживающих классов» (Сталин).

Троцкизм, давным давно переставший быть фракцией коммунизма, на деле превратился в «передовой отряд контрреволюционной буржуазии, ведущей борьбу против коммунизма, против советской власти, против строительства социализма в СССР».

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии.

Вот почему либерализм в отношении троцкизма, хотя бы и разбитого и замаскированного, есть головотяпство, граничащее с преступлением, с изменой рабочему классу.

Вот почему попытки некоторых «литераторов» и «историков» протащить контрабандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам должны встречать со стороны большевиков решительный отпор. (Сталин.)

Слуцкие, Волосевичи, Алтеры, Мироновы и прочие контрабандисты контрреволюционного троцкизма стараются реставрировать троцкистские идейки, тем или иным путём протаскивая их в литературу.

Протаскивая вредные взгляды таким же путём, путём усыпления бдительности, или вследствие «гнилого либерализма» отдельных членов партии, контрреволюционеры-краеведы имеют ту же цель, что и троцкистские контрабандисты.

Старые буржуазные краеведы точно так же, протаскивая контрреволюционные идеи Громана-Кондратьева, стремились всячески дискредитировать партию большевиков и советскую власть во всех идеологических и организационных вопросах, всячески противодействуя проведению в жизнь тех или иных мероприятий, не останавливаясь ни перед чем в выполнении своей предательской роли. Это подчеркнули IV Всероссийская конференция и X Пленум ЦБК; об этом свидетельствует ряд книг, выпущенных старыми, враждебными нам буржуазными краеведами.

В этом отношении почти всех старых краеведов-контрреволюционеров превзошёл такой же махровый буржуазный краевед — «историк» Переславль-залесского края М. И. Смирнов. Этот монополист по истории Переславль-Залеска, воспользовавшись «гнилым либерализмом», вернее полным отсутствием пролетарской бдительности у партийцев из переславльских учреждений, выпустил в период 1927—1930 гг. ряд толстых книг, в которых под маркой истории этого района он протаскивает поповщину и разные контрреволюционные взгляды. Мы остановимся на нескольких «работах» Смирнова.

Просмотрим сначала первый выпуск «историка» Смирнова, изданный в 1927 г. под маркой «Труды Переславль-залесского историко-художественного и краеведного музея»; собственно в этом выпуске — только одна работа Смирнова, которая носит громкое название «Старый быт и хозяйство переславльской деревни». Злостно клеветая на партию, на советскую власть, на бедняцко-средняцкую часть крестьянства, Смирнов совершенно не хочет на протяжении 150 страниц ни разу упомянуть о колхознике, о бедняке, середняке. У него всюду склоняется один термин: «крестьянская масса». Но интересно то, что для составления своей черносотенной книжки он воспользовался содействием уездного исполкома в рассылке 327 бланков-анкет всего лишь с четырьмя вопросами.

Мы считаем нужным привести эти вопросы:

1. Взгляд местного населения на природу и его верования в участие небесных сил, а также силы нечистой в тех или иных проявлениях природы.
2. Способы влияния чрез эти силы на природу посредством магизма культовых обрядов и установлений.
3. Культовые особенности, связанные с полеводством и скотоводством.
4. Влияние революции на эти традиции.

Таковы четыре вопроса Смирнова, на которые ответить охотно согласились попы, дьячки, кулаки и их дети.

с. 9 Смирнов — проповедник кулацкой идеологии кондратьевско-громановского типа, с ярко выраженной черносотенной идеологией и религиозностью. Он собранные анкетные вопросы ловко сгруппировал так, чтобы читатель неизбежно мог прийти к определённом выводу, что земледелец (для него не важно социальное лицо крестьянина) не может существовать без «невидимых хозяев», иначе говоря, каждый крестьянин должен преклоняться культу, быть религиозным. У Смирнова чувствуется явное стремление убедить читателя, что религия

необходима, старание внедрить её читателю и воспитать его на своей книжке в религиозном духе. На протяжении всей этой книги Смирнов смачно, «с великим восторгом» описывает разные поповские басни о целебности святой водички, о молебнах, крестных ходах и тому подобные бредни против засухи, дождей, разных болезней и другие поповские бредни.

Смирнов — приверженец религии и ненавистник атеистов, которых он называет преступниками. Он пишет:

В одном месте, когда крестьяне раз вышли в Казанскую из церкви и увидели, что один из их сограждан стал сенокосить, то, недолго думая, вывезли пожарную машину и облили его сено. В других местах таких преступников наказывают при дележе покоса или пашни, заставляют отбивать не в зачёт подводную повинность и прочее.

Смирнов с большим сожалением констатирует, что «с переходом (!) на советскую власть праздники стали резко нарушаться», что «теперь молодое поколение в праздники работает, как в будни», и так далее и тому подобное.

Вообще, если просмотреть все книжки Смирнова, то можно сделать только один вывод, что Смирнов всюду и везде старается протаскивать (и протаскивал) великодержавный шовинизм, религиозное мракобесие, монархизм.

Было бы большим упущением с нашей стороны, если не сказать ещё хотя бы вкратце о такой брошюре Смирнова, как «Переславль-залесский уезд, краткий краеведческий очерк», выпущенной им в 1922 г.

Дело в том, что Смирнов с начала Октябрьской революции скрывал в своих статьях своё политическое лицо, и только в 1922 г. в этой брошюре он выступил с оценкой Октябрьской революции на материале Переславль-залесского уезда. Вот как он характеризует послереволюционный быт населения этого уезда:

Как будто вскрылся гнойник души народной и взору наблюдателя представилась картина хищения, грабежа, обмана, предательства и тому подобного...

И дальше:

...хулиганство, пьянство, воровство, матерщина [царят] во всех углах каждого селения ежедневно.

А затем Смирнов делает такой вывод:

Так оставленный на произвол судьбы народ потянулся к новой культуре и, встретив на своём пути полукультурные слои города, перенял от них малоценное и заменил им красочную старину.

Ясно, что от такого махрового черносотенца нечего ждать, кроме отрицательного отношения к городу, к трудящимся, взявшим власть в свои руки, к рабочему классу, который Смирнов, этот стосковавшийся по царю заядлый контрреволюционер, называет «полукультурным слоем».

Сын попа, муж княгини, сначала поп, затем акцизный чиновник, впоследствии ставший никудышным «историком» Переславльского уезда, — таково социальное лицо монархиста Смирнова, ещё до революции занимавшегося фальсификацией истории и насаждением мракобесия. Мы считаем необходимым, чтобы местные переславльские краеведческие организации под руководством партийной организации до конца разоблачили весь вред творчества Смирнова.

В начале прошлого года в Иваново-Вознесенске вышла небольшая брошюра «Против вредительства в краеведческой литературе». В этой брошюре разоблачена контрреволюционность некоторых «трудов» М. И. Смирнова и других буржуазных краеведов, смыкавшихся идеологически с группой Платонова-Букина-Веселовского и К^о. Эти буржуазные контрреволюционные историки-краеведы умышленно ушли от революционных, близких нам тем, ушли от истории классовой борьбы, чтобы на узких темах истории уездов, районов и волостей проложить путь для замаскированных антисоветских, антипартийных выступлений.

Контрреволюционные идейки просачивались и в наши «толстые» журналы («Проблемы экономики», «Советское государство и революция права», «Экономика связи», «Краеведение» и так далее).

Ленинградский краевед-историк И. М. Гревс идеализирует буржуазно-помещичий строй, проводя эту идеологию под флагом сохранения памятников старины. В № 6 за 1929 г. журнала «Краеведение» Гревс в статье «Памятники культуры и современности» откровенно заявляет, что всеми памятниками старины «должны дорожить» и следует «оберегать их от разрушения

и порчи», ибо «времена переходят друг от друга единым потоком, как сменяются возрасты отдельного человека» (стр. 311 и 313). Следовательно, по Гревсу самодержавием также надо было дорожить и охранять его, а Октябрьская революция, свергнувшая монархию, тем самым является разрушителем ценностей.

Одни из буржуазных краеведов, типа Гревса, контрреволюционную сущность замаскировывали теорией «наука для науки», другие идеализировали мракобесие, пропагандировали религию и проповедовали православие (тот же Гревс, М. Смирнов и В. Смирнов), а рыбинский «историк» Золотарёв откровенно, просто по-черносотенски, объявил марксизм «идеологией еврейства»; а некоторые из них (об этом ниже) занимались в своих брошюрах пропагандированием великодержавного шовинизма.

В. Смирнов в собраниях «трудов» Костромского краеведного общества говорит о могуществе сверхъестественных сил, а некий Вел. Рытов, в вышедшей при благосклонном попустительстве б. Шуйского окрплана книге, крестьян периода смутного времени (XVIII века) называет бандитами и разбойниками, а в главе о крепостном праве восхваляет помещиков.

Но первенство в серии черносотенных работ краеведов принадлежит материалам Рыбинского краеведческого общества. Там редакция и авторы нескольких выпусков «Родного края», который начал выходить с 1929 г., совершенно не желают считаться с тем, что они живут в послеоктябрьский период. Их абсолютно нельзя даже заподозрить в симпатии к советской власти. Местные краеведы не любят слова «революция».

Этого слова не встретите на страницах «Родного края». Наоборот, журнал в передовой (№ 2) утверждает, что для краеведа имеется только единственный путь — это «путь чистой науки». «Через него человек будет подниматься к уяснению и разрешению величайших проблем природы и своему философскому воспитанию».

В передовой этого же журнала (№ 3) находим интеллигентское нытьё о «неблагоприятных условиях научной работы», о «больших трудностях» и стремлении к *«страстному исканию истины»*, стремление к «децентрализации науки в смысле всестороннего развития её в провинции». Таковы установки Рыбинского краеведческого журнала «Родной край» и всех тех авторов, труды которых мы здесь цитируем. Если мы добавим, что у предшественника рыбинского журнала, выходившего в период 1920—1921 гг. под тем же названием, был девиз «консервирование настоящего в надежде на будущее», то для всех станет ясным контрреволюционная сущность этого журнала и его авторов. Их девиз легко можно расшифровать: подальше от настоящего революционного в надежде на будущую контрреволюцию.

Проследим ещё одну контрреволюционную работу — появившийся на свет в 1929 г. по вине Владимирского научного общества по изучению местного края сборник краеведческих материалов под названием «Мстерский край». Интересны три статьи в этом сборнике: «Организация советской власти в Мстере», «Профсоюзное движение в Мстере» и «Мстерское общество потребителей».

Заголовки этих статей совершенно не соответствуют их содержанию. Возьмём, например, первую статью — об организации советской власти. Автор её Н. С. Уданов пишет:

...История организации Советской власти во Мстере представляет интересную картину *постепенного вращивания советских* элементов в старый быт Мстеры.

Мы же уверены, вопреки автору Уданову, в совершенно обратном. История (без кавычек) показала, что благодаря Октябрьской революции установленная пролетариатом под руководством партии власть Советов рушит старый быт и на его осколках строится социализм с его новыми установками социалистического труда, пролетарской культуры, колхозами и что в 1931 г. уже завершён фундамент социалистической экономики на одной шестой части мира.

с. 11 Автор статьи о профсоюзном движении во Мстере пишет о задачах, которые ставили профсоюзы в 1918 г. И ни слова о политической роли профсоюзов, об участии их в Октябре, о рабочем классе.

В статье о кооперации автор её И. М. Захаров, охватив историю кооперативного движения с 1916 по 1920 г., даже ни разу не упомянул о революции.

Такова «историческая» часть сборника. Другая же часть статей носит характер явно выраженного великодержавного шовинизма (такова статья П. А. Сергиевского) и либерально-барской болтовни о неважной жизни крестьянства (статья Н. Н. Рождественского).

Таково содержание сборника «Мстерский край», в котором абсолютно ничего нет научного, кроме контрреволюционного содержания. Между тем эти «учёные» мстерцы рекомендуют своё

никудашное и насквозь реакционное творчество «в помощь учителю в школьно-краеведческой работе».

Такие же как из Мстеры незадачливые «учёные» краеведы в Юрьеве-Польском выпустили учебное пособие для школы. Автор этих «трудов», председатель научного общества по изучению своего края Н. Шкакин, пользуясь тем, что «отсутствует какое бы то ни было издание, освещающее прошлое и настоящее Юрьева-Польского», написал такую вредную книжку, что её содержание идёт вразрез всем установкам партии и правительства. Политически безграмотная, искажающая историю борьбы классов, совершенно не освещающая Октябрьскую революцию в крае, эта книжка, кроме вреда, ничего не принесёт.

Было бы большим упущением с нашей стороны, если бы мы в настоящей статье не разоблачили краеведов, работы которых насквозь пропитаны великодержавным шовинизмом. X пленум ЦБК в своей резолюции отметил необходимость вести решительную борьбу с проникновением в советское краеведение великодержавного шовинизма как классово-враждебной идеологии. Надо беспощадно разоблачать краеведов-носителей великодержавного шовинизма. Такими шовинистами являются историки Шнейдер, Л. Н. Доброва-Ядринцева, профессор П. А. Преображенский. Шовинистический душок имелся и у покойного исследователя Никольско-уссурийского края В. Н. Арсеньева («Дерсу Узала», «Гольды», «Орочи» и другие). Но особенно ярко великодержавный шовинизм выражен в книге «Население Сибирского края» (Сибкрайиздат, 1928 г.). Авторы А. Р. Шнейдер и Л. П. Доброва-Ядринцева, описывая особенности этнографических групп сибирского населения, дают следующую характеристику отдельным народностям:

Енисейцы. «У них нет ни энергии, ни стремления к живому труду. Им свойственна та ленивая бездеятельность, которой они предаются летом».

Тунгус. «Вообще тунгус непостоянен, неуравновешен, неустойчив и легкомыслен».

Татары. «Замкнуты, необщительны и не склонны к коллективной жизни».

И тому подобная аналогичная буржуазная ересь.

Подобный же великодержавный шовинизм мы находим и в краеведческом сборнике «Средневожский край» (ГИЗ, 1930 г., Самара). В очерке «Заселённые края» маститый профессор П. А. Преображенский лакейски повторяет зады придворных «историков», что самодержавие не было угнетателем национальных меньшинств, а наоборот даже строило для них города (по Преображенскому: Оренбург — для киргиз-казаков, Самара — для мордвы, Ставрополь — для калмыков и так далее). Всё это враньё легко опровергнет даже пионер, а буржуазные «историки» типа Преображенского выпускают сотни страниц лжи при содействии и явном проявлении «гнилого либерализма» редакторов из Огиза.

По этому поводу не лишне ещё раз напомнить установку, данную XVI партсъездом по отчёту ЦК ВКП(б), что «главную опасность на данном этапе представляет великодержавный уклон, пытающийся ревизовать основы ленинской национальной политики и под флагом интернационализма прикрывающий стремления отживающих классов господствовавшей ранее великорусской нации вернуть себе утраченные привилегии».

И действительно, буржуазные краеведы типа Преображенского стараются «вернуть себе утраченные привилегии». Профессор В. П. Пожидаев, специалист в области этнографии, под именем и прикрытием своей специальности протаскивает великодержавный шовинизм в своей статье, опубликованной в «Известиях Горского педагогического института» (т. VII, ч. I за 1930 г.). Этот профессор, написавший биографию знахаря Халина, в своей статье вопрос о колонизационной политике царского правительства поставил в ярко выраженном великодержавном шовинизме. Пожидаев совершенно игнорирует утверждение Ленина о том, что Кавказ являлся колонией России. Самое интересное у Пожидаева то, что он совершенно смазывает классовый характер колониальной политики русского капитализма. У профессора Пожидаева не называется своим именем Украина, и не случайно он всюду употребляет термин «Малороссия», «малорусское племя», «малорусский говор».

Но Пожидаев — не только проводник великодержавного шовинизма, — он также безусловный идеалист в области истории и этнографии и ярый защитник мистицизма, знахарства и поповщины.

О борьбе с религией следует особо поговорить. Борьба с религией является одной из важнейших задач краеведа, хотя X пленум не отметил чётко этого в своей резолюции. Президиум ЦБК, отметив эту ошибку пленума, указал на необходимость более интенсивной работы

краеведных ячеек в этом направлении. Между тем ряд статей и книжек, выпущенных местными краеведческими организациями, протаскивает невероятное множество хлама о религии. Вместо развёрнутой беспощадной борьбы с религией некоторым старым буржуазным краеведам (М. Смирнову, В. Пожидаеву, С. Урсынович и другим) содействуют в выпуске их работ, насыщенных ничем не прикрытым религиозным хламом под видом весьма плохо завуалированной этнографии.

Большинство трудов Костромского научного общества пропитаны духом средневековья. Насквозь аполитичный толстый сборник, изданный в 1924 г. — «Костромской край в докладах I Костромской губернской конференции по изучению производительных сил края» — оторван от современных задач, не выставляет буквально ни одного конкретного мероприятия, связанного с борьбой пролетариата и социалистическим строительством в крае. Масса помещённых резолюций, насквозь политически неверно сформулированных, совершенно искажает партийные и советские директивы. Эти резолюции являются по существу антисоветскими; вы не встретите в них даже слова «социализма».

Также не удаётся скрыть профессору Пожидаеву то мракобесие, которое он проповедует со страниц толстого журнала «Известия Горского педагогического института» (т. VI, ч. I за 1930 г.). На протяжении многих страниц профессор старается доказать, что по его изысканиям имеется тождественность науки со знахарством (стр. 271), что только знахарство спасёт религию (стр. 12).

Недалеко от маститого реакционера ушёл и В. Смирнов — распространитель басни о родившемся чёрте, певец кулацкой печали и явный контрреволюционер, открыто выступивший в печати с утверждением, что «образ разбойника — олицетворение протеста против существующего порядка, и это привлекает к нему симпатии народа». Какое народа? Для В. Смирнова, конечно, не существует классового различия.

Мы также не можем пройти мимо целого ряда тех ошибок, которые были допущены рядом издательств и краеведческими журналами, выпустившими вредительскую по существу, кондратьевского толка краеведческую литературу о колхозах. Некоторые из этих ошибок (Феноменова) были разоблачены на страницах «Советского краеведения». Автор Феноменов признался в своих ошибках письмом в журнал. Но до сих пор мы не видим развёрнутой критики этих ошибок как самим автором, так и со стороны тех, кто обязан был дать критику ошибок, заключающихся в том, что авторы протаскивали в краеведческую литературу кондратьевщину, то есть прямо контрреволюционные идейки. Таким образом, краеведческая масса до сих пор со страниц как центрального краеведческого журнала, так и со стороны московского журнала «Краевед-массовик» не была мобилирована на борьбу с проникновением вреднейших контрреволюционных эсеро-меньшевистских статей Феноменова и других, а низовые ячейки продолжают пользоваться этой эсеровско-кулацкой литературой.

Образцом кондратьевщины, протаскиваемой в краеведческую литературу, является коллективный (а тем большую он налагает ответственность на авторов) сборник в 204 стр., выпущенный Сельхозгизом в конце 1930 г. — «Изучение района силами агронома и учителя».

с. 13 Само заглавие этого сборника говорит о том, что его составляли «сливки» интеллигенции Красногвардейского района. Но, к сожалению, мы не можем сказать, судя по содержанию сборника, в котором имеется масса политических ошибок, что все составители (мягко выражаясь) прониклись советской идеологией. От сборника¹ веет ничем не прикрытой кондратьевщиной.

Обратимся к фактам.

Первое, что бросается в глаза — это полное отсутствие в сборнике отражения происходящего процесса расслоения деревни, классовой борьбы и роста коллективизации. Авторы, едва ли только по свойственной им полной политнеграмотности, из 204 страниц сборника только 17 строк уделили колхозам. Причём и в этих 17 строчках они нагло клеветают, что «колхозное строительство в районе началось, в сущности говоря, в самое последнее время». Такое клеветническое заявление — ничем не прикрытая кондратьевщина, умышленное сокрытие экономического и культурного роста бедняцко-средняцких масс в районе, сокрытие участия

¹Составители сборника следующие: И. П. Брун, Ф. Ф. Зааль, О. Ф. Голубятникова, Н. П. Горбачёв-Васильев, А. А. Горшунов, Е. М. Горюнова, Х. Д. Тузикова, А. С. Комелова, Н. К. Клюев, В. В. Мешковский, Т. А. Петров, А. И. Сметанникова, В. В. Смирномудренский, Н. Ф. Степанов. Предисловие В. Корневица.

бедноты и передовых середняков в революционных боях во время гражданской войны. Ведь не только в 1930 г., но и десяток лет тому назад каждый комсомолец, а теперь и пионер Красногвардейского района знал и знает об активном участии колхозников (повторяем, *колхозников*) всего района в революционных боях с наступающей в 1919 г. к Ленинграду белогвардейщиной. Кто не помнит кровавых страниц из эпохи боёв с белогвардейцами, которые вешали и терзали сотни бедняков и середняков бывшего Гатчинского, а теперь Красногвардейского района?!

Вторая ошибка, допущенная авторами, состоит в большом количестве методологических промахов краеведческого значения. Мы уже не говорим о том, что цель книги как методологического пособия совершенно не оправдана её содержанием. Достаточно сказать, что в ущерб описанию борьбы за реконструкцию сельского хозяйства, ни слова не говоря о пятилетке, авторы уделили больше места и внимания описанию дворцов, садов и даже привели имена садовников. Для кого это нужно, спрашивается? Только для авторов, да вымерших наполовину царских садовников.

Более подробная рецензия, но с неверными выводами, дана об этой книге т. Большаковым,¹ с которым ни в коем случае нельзя согласиться, что рецензируемая нами книга «никакой опасности, конечно, не представляет». Наоборот, эта книга представляет особую опасность в том отношении, что: во-первых, авторы протащили в краеведную литературу явно контрреволюционные взгляды (о чём и сам т. Большаков — а может быть, редакция журнала? — отметили в заголовке);

во-вторых, авторы умолчали о колхозном и совхозном строительстве, о классовой борьбе в связи с ним, о культурном росте колхозников и об участии последних в гражданской войне и тем самым допустили явно политическую ошибку, неправильно ориентируя массового читателя-краеведа;

в-третьих, исказили понятие о краеведении и методологии его изучения;

в-четвёртых, авторы рекомендуют свою книгу, явно вредную, использовать как опыт организации *производственно*-краеведного изучения.

Вот в основном тот вред, который приносит книга «Изучение района силами агронома и учителя». Эта книга сигнализирует всем краеведам о необходимости усилить бдительность в отношении проникновения политически вредных книг в область советского краеведения.

Ошибка допустил также Н. И. Карапин в своей рецензии на «Программу этнографического изучения колхозов»,² не сделав соответствующих выводов. Для автора рецензии почему-то эта программа «представляет определённый интерес, с точки зрения разработки программы систематического изучения колхозов как социалистической формы производства, в которой складываются производственные отношения и на базе этого формируется новый быт, развёртывается широко культурно-просветительная работа».

С этой точки зрения т. Карапину программа кажется интересной. Но если внимательно прочитать эту программу, то окажется, что:

- во-первых, авторы не справились с задачей;
- во-вторых, авторы политически совершенно неверно истолковывают ряд вопросов, замалчивая о классовой борьбе, о роли партии и так далее;
- в-третьих, дают идеологически невыдержанные и политически ошибочные формулировки;
- в-четвёртых, совершенно забыто в программе о комсомоле, буквально два слова («пионерское движение») сказано о пионерах, и только;
- в-пятых, методология программы страдает невыдержанностью и ошибками;
- в-шестых, абсолютно ничего не сказано в программе о формах и методах ведения политпросветработы среди колхозников;
- в-седьмых, политически вредным мы считаем введение в ущерб программе вопроса о религиозных обрядах, тогда как вопросу об антирелигиозной работе отведены скудные строчки весьма бледного содержания, и притом также с политической ошибкой, заключающейся в том, что авторы умолчали о классовой борьбе, в условиях которой развёртывается работа союза безбожников.

¹См. «Советское краеведение» №2 за 1931 г.

²См. «Советское краеведение» №2 за 1931 г. «Программа этнографического изучения колхозов». Издательство Государственной академии истории материальной культуры, Ленинград, 1930 г. Составили студенты географического факультета ЛГУ Е. М. Боев, О. Н. Бояр, М. И. Дмитриева, Е. А. Зандер и М. К. Палилова. Под редакцией профессора Д. К. Зеленина.

Таковы основные и главные ошибки авторов программы. Эти ошибки имеют большое и серьёзное политическое значение. Об этих ошибках, правда, не совсем политически чётко, говорит в своей рецензии и т. Карапин, но он сделал совершенно неверный вывод, что эта программа представляет интерес. Она «интересна» для нас лишь тем, что характеризует составителей её как студентов политически явно неграмотных. По существу же эта программа является искажением правильной политической линии партии в этом вопросе и поэтому должна быть изъята как вредное пособие, явно кондратьевского толка, замазывающее роль и значение классовой борьбы, при полном отсутствии в этой программе элементов мобилизации внимания широких масс советских краеведов на политико-хозяйственные задачи в области построения нашего социалистического народного хозяйства.

Исключительно много вреда для краеведов принесли книжки и статья М. Феноменова «Будем изучать наш край», помещённая в журнале «Краевед-массовик» № 1 за 1930 г. Особенно вредными эти произведения Феноменова мы считаем потому, что почти до конца прошлого года ими пользовались в низовых краеведческих ячейках в качестве руководства. Автору этих строк пришлось быть свидетелем, когда в одной из колхозных краеведческих ячеек статья Феноменова «Будем изучать наш край» была принята как единственное руководство без всяких оговорок и поправок. Между тем только беглый просмотр её обнаружил ряд неверных и политически вредных формулировок и ошибок. После повторного обсуждения этой статьи на колхозной ячейке и после критики были выявлены ошибки этой статьи и она была признана вредной, неправильно ориентирующей колхозные краеведческие массы на борьбу за организационное управление колхозов и изучение их.

В своей исследовательской работе «Современная деревня» Феноменов делает ряд крупнейших политических ошибок в определении кулака, неправильно определяет политическую роль бедноты и середняка, замалчивая о классовой борьбе и расслоении крестьянства.

Вся история нашей партии, весь последний период со времени завоевания пролетариатом под руководством ленинской партии большевиков власти доказывают непримиримую борьбу коммунистов с шатаниями как у себя внутри партии, борьбу на два фронта — против правых и «левых» уклонов, — так и борьбу большевистски непримиримую со всеми теориями «затухания» и так далее. Партия никогда не прекращала борьбу за чистоту марксистско-ленинской теории. Теперь ленинский вопрос «кто кого» решён как в городе, так и в деревне. Но классовый враг не добит, а потому партия, занимаясь построением социализма, одновременно продолжает вести развёрнутое наступление на все осколки капиталистических элементов в городе и деревне.

«Капиталистические элементы не хотят добровольно уходить со сцены, они сопротивляются и будут сопротивляться социализму, ибо видят, что наступают последние дни их существования» (Сталин).

Факты обострения классовой борьбы не видит только слепой или просто не желающий их видеть. Наоборот, каждый честный гражданин, а тем более тот, кто честно, а не с определённой вредительской целью берётся описать «современную деревню», обязан дать конкретный анализ форм классовой борьбы. Это обязательно нужно было сделать в интересах боевой мобилизации рабочего класса и колхозников.

Тов. Сталин учил партию, что «наша работа по социалистической реконструкции народного хозяйства, рвущая экономические связи капитализма и опрокидывающая вверх дном все силы старого мира, не может не вызвать отчаянного сопротивления со стороны этих сил. Оно так и есть, как известно. Злостное вредительство верхушки *буржуазной интеллигенции* во всех отраслях нашей промышленности, зверская борьба *кулачества* против коллективных форм хозяйства в деревне, саботаж мероприятий советской власти со стороны *бюрократических элементов* аппарата, являющихся агентурой классового врага, — таковы пока что главные формы сопротивления отживающих классов нашей страны». (И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 651. Курсив наш. — В. Г.)

Факты прошедшего года (разоблачение «промпартии», «союзного бюро меньшевиков», кондратьевщины, обострение сопротивления кулачества победоносному движению коллективизации и переход его к новым формам борьбы — вредительству в колхозах, совхозах и так далее) с особенной силой подтверждают слова т. Сталина.

Особый интерес в данном случае для нас представляют приёмы кулака в его борьбе с колхозами. Способы отчаянной борьбы за срыв коллективизации уже достаточно разоблачены. Известно, что кулак, чтобы не допустить организации колхозов, пускает в ход следующие,

уже разоблачённые приёмы: ложь о закреплении, ложь о работе на «лодырей», ложь о том, что в колхозах государство «всё забирает», оставляя лишь голодный паёк. Известно, что кулак пускает в ход застраивания «международного» порядка (якобы близость интервенции и возможность прихода белых и так далее), распространяет самые разнообразные бредни, рассчитанные на наиболее отсталую часть женщин, применяет подкуп, сманивание, пользуется в борьбе с колхозами родственными связями, нередко пускает в ход «обрез», «красного петуха», избивает колхозников и так далее.

Но в открытом бою кулак потерпел жестокое поражение. Сорвать коллективизацию не удалось: слишком разительными оказались результаты колхозного хозяйствования, слишком очевидными — преимущества колхозов над единоличным хозяйством. Умело поставленная массовая работа, борьба самих колхозников за дальнейшую коллективизацию и главным образом за организационно-хозяйственное укрепление колхозов камнями на камне не оставили от кулацкой провокации. Налицо — бурный подъём колхозной волны (коллективизировано свыше 62% крестьянских хозяйств в СССР), сплошная коллективизация основных зерновых районов и ликвидация на этой основе кулачества, рост посевных площадей и организационно-хозяйственное укрепление колхозов, — вот чем объясняется то, что враг переходит к другим приёмам борьбы с колхозами — к вредительству. И это должно быть подчеркнуто со всей силой. «Центр тяжести борьбы против коллективизации перенесён кулаком теперь на разложение существующих колхозов, на запугивание колхозников и единоличников, на овладение низовыми учреждениями, на пленение части местных работников, на попытки пробраться в колхоз» («Большевик», № 22, стр. 22).

Вот к каким формам и приёмам борьбы прибегают барахтающиеся в последних судорогах остатки капиталистических элементов в деревне против наступающего на них быстро растущего колхозного и совхозного строительства. Но автор вредной книжки Феноменов не желает об этом говорить. До сих пор в нашей краеведческой литературе мы не имеем развёрнутой большевистской критики на эту вреднейшую и клеветническую книжку.

В своей рецензии, с большим опозданием помещённой в «Советском краеведении» (см. № 3), автор её Большаков находит даже оправдание изданию такой книжки по той причине, что «Современная деревня» является исследовательской работой Феноменова и издана в 1925 г. (Госиздатом). Рецензия т. Большакова беззуба, представляет собой просто интеллигентское рассуждение на тему об этой книжке и совершенно не даёт развёрнутой, непримиримой марксистско-ленинской критики на явно контрреволюционные выпады Феноменова, который в 1930 г. выпустил вторую книгу — «Изучение деревни в школе», с аналогичными же политически вредными ошибками. Феноменов протасил контрреволюционные идеи в краеведческую литературу, а журнал «Советское краеведение» устами рецензента т. Большакова эти контрреволюционные идеи, смазывание значения классовой борьбы в деревне и умышленные искажения марксистско-ленинского определения кулака и тому подобные вредные политические ошибки Феноменова называет «вздором» и разрешает Феноменову: «пускай же говорить бестолково будет его привилегией».

Эту привилегию у Феноменова ещё раньше на несколько месяцев отнял (правда, тоже с запозданием) X пленум ЦБК (в январе 1931 г.), где Феноменов безоговорочно признал свои ошибки, сознался, что эти ошибки он творил умышленно, не веря в строительство социализма в нашей стране, и что теперь он «определился». Но это «определение» за целый 1931 г. Феноменов публично не расшифровал, не дал критики своих прежних ошибок и не написал (по крайней мере нам неизвестно) по этому поводу ни одной статьи в краеведческой литературе. Политическая ошибка редакции «Советского краеведения» (а также и ОКРАМа), мы считаем, состоит в том, что она в течение целого года (1931 г.) не дала развёрнутой большевистской критики на всю вредную деятельность в области краеведения как Феноменова, так и ряда других буржуазных краеведов. Так же мало или почти ничего ЦБК и ОКРАМ не написали в журнале о тех политических ошибках, которые были допущены в резолюциях IV Всероссийской краеведческой конференции и X пленума ЦБК. Правда, эти оппортунистические ошибки были признаны и формально исправлены президиумом ЦБК в его письме (см. № 3 «Советского краеведения»), а затем в июне (см. № 6 «Советского краеведения») и в резолюции объединённой фракции ЦБК и ОКРАМа, но развёрнутой большевистской критики, которой ждёт краеведческая масса и которую обещали дать ЦБК и ОКРАМ, до сих пор нет, а её обязаны были в первую очередь дать члены ОКРАМа и никто другой.

Прошло полгода, советские краеведческие ячейки растут, они требуют вполне выдержанного большевистского воспитания и руководства во всех вопросах краеведения. Проникновение

троцкистских контрреволюционных идей было и в краеведческой литературе. Эти взгляды были проташены А. Данилиным уже после решений X пленума ЦБК. А после помещения статьи и признания своих ошибок А. Данилин до сих пор не дал статьи с развёрнутой критикой своих ошибок. Между тем к этому его обязывает его письмо. Ведь мало ещё сознаться в своей ошибке — надо эту ошибку исправить по-большевистски. Тов. Данилин обязан, особенно в связи с письмом т. Сталина, дать развёрнутую критику своих ошибочных взглядов. Этого мы, краеведы, вправе от него требовать.

Таким образом, в связи с письмом т. Сталина, имеющим огромное общепартийное и международное значение, перед всей нашей партией, а также перед всеми советскими краеведами и в первую очередь перед ОКРАМом выдвигается задача величайшей непримиримости в борьбе со всеми проявлениями как контрреволюционного троцкизма, пытающегося использовать гнилой либерализм среди одной части большевиков, так и в борьбе с правым оппортунизмом как главной опасностью на данном этапе. В связи с этим перед ЦБК и всеми низовыми краеведческими организациями стоит неотложная задача воспитывать своих членов в духе революционной настороженности, усиления пролетарской бдительности и овладения марксистско-ленинской теорией.

В то же время перед ЦБК и ОКРАМом, а также перед всеми низовыми краеведческими ячейками стоят, по нашему мнению, следующие, в основном первоочередные задачи:

1. ЦБК и ОКРАМу дать развёрнутую критику в журнале «Советское краеведение» об ошибках, допущенных IV Всероссийской конференцией и X пленумом ЦБК, то есть по существу выполнить пункт IV резолюции объединённой фракции президиумов ОКРАМа и ЦБК, в том числе и редакции «Советского краеведения».

2. ОКРАМу совместно с ЦБК организовать ряд бригад с целью критического просмотра всей краеведческой литературы, как выпущенной за последние годы, так и выпускаемой. Особенно обратить внимание на местную краеведческую литературу (Ивановская, Ленинградская, Московская области, ЦЧО, Дальний Восток и другие).

с. 17 3. Краеведческим организациям надо наладить систематическую постановку докладов на широких собраниях о выпущенных книгах, давая развёрнутую критику особенно тех книг, которые касаются данных краеведческих организаций. С этой целью нужно организовать выезды в краеведные ячейки тех мест, относительно которых выпущена вредная с марксистско-ленинской точки зрения литература.

Мы уверены, что выполнение предлагаемых нами задач, при обязательном условии проведения систематической подготовки по повышению знаний среди членов краеведческих организаций марксистско-ленинской теории, значительно оживит краеведческую работу и поднимет на принципиальную высоту борьбу за новые методы и формы участия всех советских краеведов в практической работе по социалистическому строительству нашего народного хозяйства в заключительном году первой пятилетки.